

Луначарский Анатолий Васильевич

Религия и социализм

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А64

А64 **Анатолий Васильевич Л.**
Религия и социализм: Том 2 / Луначарский Анатолий Васильевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 400 с.

ISBN 978-5-519-94105-1

ISBN 978-5-519-94105-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

А. ЛУНАЧАРСКІИ.

РЕЛИГІЯ и СОЦІАЛИЗМЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ГЛАВА I.

Іудейская почва. Іисусъ.

Подготовленіе явленія Христа—Мессіи.

Въ главахъ, посвященныхъ іудейской религіозности, мы указывали уже на то, какъ созрѣла идея мессіанизма съ одной стороны, религія справедливости съ другой.

Для Второисайи Мессія — не кто иной, какъ символическое лицо, идеально представляющее собою страдальческую и праведную часть страдальческаго народа. Это — бѣдняки и святые Израиля, заслуги которыхъ спасутъ не только народъ Божій, но и всѣ народы земли. Заслуги эти сводятся къ добродѣтелямъ истиннаго демократа тѣхъ временъ: чувству справедливости и любви къ ближнему, смиренію, преданности судьбѣ, въ которой все признается божественнымъ, отвращенію къ власти, къ роскоши и соединеннымъ съ ними порокамъ и преступленіямъ.

Духъ пророческій не умиралъ въ Израилѣ, хотя ему приходилось трудно въ борьбѣ съ официальной церковностью и сухими книжниками, сумѣвшими извратить чисто демократическое «писаніе» и сдѣлать изъ него базисъ для личной и надменной теократіи. Религія іудеевъ имѣла, такимъ образомъ, два лица, которыя выразились въ двухъ школахъ или манерахъ толкованія писанія. А га да — была свободнымъ толкованіемъ, творческой манерой проповѣдывать, Галаа ха мертвымъ историческимъ комментирова-

ніемъ. Агада жила интенсивной жизнью въ сѣверныхъ провинціяхъ, въ Галилеѣ, ко времени начала нашей эры, Галааха господствовала въ Іерусалимѣ, вокругъ храма. Не только народные проповѣдники, но и многіе фарисеи (Гиллель и его школа, напр.) были агадистами.

Связь христіанской морали и христіанскаго мессіанизма съ Агадой и пророками не оспаривается никѣмъ. Даже Гарнакъ, — некритическій поклонникъ довольно фантастическаго «первобытнаго христіанства», самый правый богословъ изъ тѣхъ, съ которыми можно еще считаться, какъ съ людьми науки, — признаетъ еврейско-пророческую сущность христіанства Іисуса въ самой широкой степени: «Вмѣстѣ съ Вельгаузенемъ», говоритъ онъ, «я долженъ признать, что все то, о чемъ благовѣствовалъ Іисусъ, что до него высказывалъ въ своей проповѣди Іоаннъ, все это можно найти у пророковъ и въ іудейскихъ преданіяхъ ихъ времени».

Но міровоззрѣніе Іисуса и его непосредственныхъ учениковъ не есть еще христіанство; это не только не наше православно-католическое, но даже не реформатское, не «евангелическое» христіанство, это даже не то «первоначальное христіанство», сомнительную традицію котораго почтенный пр. Гарнакъ старается поддерживать всею своею тяжеловѣсною ученостію.

Христіанство возникло изъ множества отдѣльныхъ культурныхъ потоковъ, слившихся, въ концѣ концовъ, въ двѣ рѣки: іудейское ученіе, связанное съ именемъ Іисуса, какъ центральнаго выразителя, и греко-азіатское, связанное съ именемъ Павла и другихъ. Позднѣе на немъ сказалось еще могучее вліяніе Запада, Рима и Африки, съ Тертуліаномъ и Августинимъ.

Впрочемъ, уже съ самаго начала христіанство есть сочетаніе іудейскихъ и греко-азіатскихъ элементовъ. Христіанство Іисуса, вѣроятно, уже включило до нѣкоторой степени этотъ второй элементъ.

Остаются истиной слова Штрауса:

«Мы смѣло можемъ сказать, что христіанство никогда бы не стало религіей Запада и Востока и не осталось преимущественно религіей Запада, если бы при его возникновеніи и первоначальномъ развитіи, наряду съ силами еврейства, не дѣйствовалъ греко-римскій духъ. Чтобы еврейство могло породить изъ себя христіанство, оно должно было быть раздроблено ужаснымъ молотомъ исторіи, еврейскій народъ долженъ былъ претерпѣть несчетное количество гоненій, разсѣяться по лицу всей земли и создать такимъ образомъ массу каналовъ, по которымъ элементы чужеземной культуры проникли на его родину. Затѣмъ, христіанство было бы немыслимо, если бы ему не предшествовалъ брачный союзъ Запада и Востока, осуществленный гениемъ великаго Македонца; въ Александріи должно было воздвигнуться какъ бы брачное ложе для этого союза, и тогда только могло народиться христіанство. Не будь раньше Александра Македонскаго, не было бы и Христа».

Христіанство, какъ всякое великое ученіе, движеніе — есть синтезъ.

Присмотримся ближе къ состоянію Іудеи того времени, и мы увидимъ, что оживленіе пророческаго духа должно было проявиться въ этой странѣ съ силою необходимости. Гарнакъ, полемизируя съ соціалистической школой, самъ очень кратко и сильно выражаетъ эту глубокую подготовленность еврейскаго народа къ появленію новыхъ пророковъ, продолжателей Іереміи и Второисайи.

«Безмятежныя времена іудейской теократіи тогда давно уже прошли. Уже два столѣтія ее постигаль ударъ за ударомъ: начиная съ страшныхъ дней Антиоха Епифана, народъ уже болѣе не приходилъ въ спокойное состояніе. Основалось царство Маккавеевъ; внутреннія усобицы и внѣшній непріятель быстро привели его къ паденію. Пришли въ страну римляне и придавили своимъ желѣзнымъ кулакомъ всѣ чаянія и упованія еврейскаго народа. Тиранія

эдомитскаго проходимца, царя Ирода, сковала его по всѣмъ членамъ и не давала свободно дышать. Облегчить тяжелое положеніе — казалось не въ человѣческихъ силахъ; всѣ древнія великолѣпныя обѣщанія стали представляться сплошнымъ обманомъ; казалось, все погибло. Какъ легко было, въ такомъ настроеніи, отчаяться во всемъ земномъ и отречься отъ всего того, что въ связи съ теократіей считалось столь цѣннымъ! Какъ естественно было тогда объявить суетой суетъ земное царство, политическую власть, преобладаніе и богатство, всякое насиліе и борьбу, а вмѣсто того ждать наступленія новаго, небеснаго царства, — царства бѣдныхъ, униженныхъ и разслабленныхъ, и вѣнчанія ихъ добродѣтелей — кротости и терпѣнія! И если въ теченіе столѣтій образъ Бога Израиля выступалъ то той, то другой стороною, если онъ сокрушалъ оружіе сильныхъ, если онъ презрительно относился къ пышному священнослуженію своихъ жрецовъ, если онъ требовалъ справедливости и милосердія, — то какъ соблазнительно было сдѣлать отсюда выводъ, что Богъ хочетъ видѣть свой народъ въ униженіи, чтобы потомъ спасти униженныхъ! Такъ достаточно двухъ-трехъ штриховъ, чтобы намѣтить общій очеркъ новой религіи и всѣхъ ея упованій, которыя непосредственно продиктованы условіями историческаго момента: униженные и оскорбленные ожидаютъ чудеснаго пришествія Бога, и мизерабилизмъ провозглашается идеаломъ».

И въ другомъ мѣстѣ:

«Да что вы хотите сказать своимъ Христомъ? онъ не принесъ ничего новаго».

«Я отвѣчаю на это вмѣстѣ съ Вельгаузенomъ: безъ сомнѣнія, все то, что благовѣствовалъ Иисусъ, что до него высказалъ Іоаннъ въ своей проповѣди покаянія, — все это можно найти и у пророковъ, и даже въ іудейскихъ преданіяхъ современной имъ эпохи».

Отчаяніе порождало надежду. Вспыхивали возстанія. Іуда Галонить и другіе революціонеры созывали часто вокругъ себя банды повстанцевъ и падали подъ мечами

легіонеровъ. Не надѣясь на свои силы, еврейскій народъ ждалъ, съ свойственной ему упрямой выносливостью, пришествія Мессіи со дня на день. Сроки исполнились. Чаша страданія полна до краевъ. Іегова долженъ вмѣшаться и грозно проявить свою сокрытую отъ народовъ волю.

Мистицизмъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Вліяніе персовъ, вообще азіатской религіозности, сказалось въ томъ, что идея безсмертія душъ и воскресенія плоти была воспринята фариसेями, законниками и праведниками, пуританами іудейства, и широко разлилась среди народа. Пришествіе Мессіи должно быть не только актомъ политическимъ, но космическимъ и мистическимъ, самъ Мессія уже не царь, на манеръ Давида или Езекии, но высшее существо, могучій ангелъ, близкій, ближайшій къ самому Богу.

Въ странные контрасты и въ причудливыя соединенія должны были вступить два представленія: Мессія — могучій ангелъ, полу богъ и получеловѣкъ, грядущій судить живыхъ и мертвыхъ, и Мессія страдающей, искупающей своею праведностью грѣхи міра. Но уже Второисайя далъ возможность разрѣшить эту антиномію: Мессія придетъ и будетъ страдать и умереть, но послѣ Богъ возвеличитъ его и сдѣлаетъ господиномъ міра. Такое толкованіе казалось ясно вытекающимъ изъ пророковъ¹⁾.

Въ то же время росъ въ еврейскомъ народѣ и мистицизмъ другого рода, индулько-ессейскаго типа, съ его отрицаніемъ міра, плоти, утѣхъ жизни, требованіемъ аскезы, какъ лѣтницы, по которой можно дойти до блаженства.

Секта ессеевъ ревностно проводила въ жизнь эти идеи, соединяя ихъ съ глубокой демократичностью, ненавистью къ богатству и мірской власти, дошедшими у нихъ до практики монастырскаго коммунизма.

Всѣ эти элементы соединилъ въ одно ученіе проповѣдникъ Іоаннъ, создавшій свою школу.

¹⁾ К. Каутскій въ своей замѣчательной книгѣ „Іудаизмъ и Христіанство“ и въ своихъ недавнихъ статьяхъ *Iesus der Rebell* почему-то игнорируетъ пророчества Второисайи.

Проповѣдь Іоанна была знаменательна. Онъ звалъ единомышленниковъ покончить со старымъ міромъ, въ обрядѣ крещенія водою, столь распространенномъ въ Азіи, смыть съ себя старое грѣховное естество и начать жить ожиданіемъ, т. е. въ аскетическомъ отчужденіи отъ земного, въ трепетномъ упованіи на скорое пришествіе Мессіи, который измѣнитъ лицо міра. Ессейская мораль, ихъ до крайности доведенная ненависть къ мірскому, къ культурѣ, ихъ экзальтированно-общинный духъ — соединялись у Іоанна съ фари́сейскимъ ученіемъ о преображеніи міра и плоти, о воскресеніи мертвыхъ послѣ появленія въ мірѣ свѣтоноснаго посланника Бога-Мессіи.

Все было готово для появленія его. «Онъ здѣсь, онъ тамъ», говорили другъ другу. Слѣдуя пророкамъ, скорѣе можно было ожидать Мессію, въ видѣ бѣднаго праведника и страдальца, чѣмъ какъ царя или вождя. Многіе фанатики, пустынники и проповѣдники, огненнымъ словомъ воспламеняя души этой измученной и экзальтированной толпы, часто спрашивали себя въ глубинѣ души:

«Не я ли Онъ? Не мнѣ ли предстоятъ страданія, реченныя пророками, и послѣдующее воскресеніе въ образѣ грознаго Судіи?» Спрашивалъ себя объ этомъ и Іоаннъ, спрашивали его и другіе, но не слыша въ себѣ чудотворящей силы, кто знаетъ, съ какою глухой скорбью, быть можетъ, онъ отвѣтилъ: «не я, онъ придетъ, безмѣрно достойнѣйшій и сильнѣйшій!»

Кого-нибудь должно было признать Мессіей. Совпаденіе фактовъ могло случиться легко. Это долженъ былъ быть бѣдный праведникъ, обладающій силою слова, даромъ исцѣленія больныхъ (гипнотической силой вліянія на истериковъ и невропатовъ, даруемой вѣрою въ себя), мужествомъ проповѣди и самоотверженія, это долженъ былъ быть пророкъ, въ сущности, немногимъ выше тѣхъ пророковъ-агадистовъ, которыхъ видѣли часто въ Галилеѣ — остальное дополнила бы легенда. Труднѣе, конечно, было осуще-

ствиться второй части предсказанія: воскресенію и второму пришествію.

Кто бы ни считался признаннымъ — во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ поступать и учить такъ, чтобы «исполнилось реченное отъ пророковъ», а въ дальнѣйшемъ легенда и догматическая мысль готовы были обрастить брилліантовыми сталактитами всякій предметъ, всякое лицо, какое ни попало бы въ ихъ глубины, затемняя окончательно первоначальныя черты личности и придавая ей формы согласно своимъ исторически-опредѣленнымъ законамъ.

Уже Кантъ въ своемъ сочиненіи «*Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft*» говоритъ, что историческій Христосъ, въ сущности, совершенно несущественъ для религіи, т. к. предметомъ нашей вѣры является не Онъ, а идеаль истинно-богоугоднаго человѣка, заложенный въ сверхчувственныхъ глубинахъ нашего существа, который отражается символически въ образѣ съ небесъ спустившагося Сына Божія.

Однако, мы не думаемъ, чтобы легенда работала на пустомъ мѣстѣ. Между Іоанномъ Крестителемъ и Іаковомъ Обліамомъ, личностями несомнѣнно историческими, стоитъ еще кто-то.

Точныхъ историческихъ свидѣтельствъ о Іисусѣ, внѣ христіанской литературы, мы не имѣемъ.

Ренанъ говоритъ по этому поводу: «Одна изъ удивительнѣйшихъ особенностей этой таинственной исторіи заключается въ абсолютномъ молчаніи, которое хранятъ о ней, какъ еврейскіе, такъ и языческіе современные событію источники. Наболѣе проницательные критики считаютъ позднѣйшими христіанскими вставками даже тѣ немногія фразы, которыя посвящаетъ Іисусу Христу историкъ Іосифъ Флавій». А фразы эти научаютъ насъ и сами по себѣ очень немногому! «Въ это время, говоритъ еврейскій историкъ, жилъ нѣкто Іисусъ, человѣкъ мудрый, если только можно назвать его человѣкомъ, ибо онъ совершилъ много невѣроятныхъ чудесъ и сталъ учителемъ друзей истины, такъ

что многіе евреи и эллины примкнули къ нему. Онъ былъ Христосъ. И когда, по приговору нашихъ знатнѣйшихъ, онъ былъ распятъ, любившіе его остались ему вѣрны. Ибо онъ явился имъ вновь на третій день, какъ это и многое другое чудесное было предсказано о немъ пророками». Если эти строки подлинно принадлежать Іосифу, то это значитъ лишь, что онъ наскоро включилъ въ свою исторію ходячую легенду того времени. Между тѣмъ все правленіе Ирода и Пилата описано имъ съ величайшими подробностями.

Филонъ Александрійскій много говоритъ о ессеяхъ, рассказываетъ о Пилатѣ, но объ Іисусѣ молчитъ.

Все заставляетъ думать, что первое явленіе Іисуса, что реальный Христосъ прошелъ почти незамѣченнымъ, но овладѣвшая Его именемъ легенда быстро вознесла Его на небеса, одесную Единого Бога, гдѣ Его увидалъ весь міръ.

Въ виду шаткости историческихъ документовъ и крайней спорности всѣхъ вопросовъ, касающихся личности Христа, мы предпочитаемъ оставить въ сторонѣ его біографію, отославъ читателя къ богатой уже переводной литературѣ по этому вопросу.

Во всякомъ случаѣ пророчества сильнѣйшимъ образомъ вліяли на повѣствованіе евангелистовъ, а можетъ быть, и на самыя евангельскія событія. Мы считаемъ поэтому не лишнимъ напомнить здѣсь самое яркое пророчество этого рода:

«Всѣ мы блуждали, какъ овцы, совратились каждый на свою дорогу, — и Господь возложилъ на Него грѣхи всѣхъ насъ».

Онъ истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно и не открывалъ устъ Своихъ; какъ овца, веденъ былъ Онъ на закланіе и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отверзалъ устъ Своихъ.

Отъ узъ и суда Онъ былъ взятъ; но родъ его кто